

ФЕЛИКС ЧЕЧИК

ПМЖ

Феликс Чечик

ПМЖ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279708
ISBN 978-5-4474-1525-9

Аннотация

Книга Феликса Чечика – избранное из написанного в новом тысячелетии.

Это не подведение итогов, но попытка взглянуть на себя со стороны.

Содержание

«Поэзия – не что иное...»	7
1	8
Детство	8
Она беременна...	9
Морские и пресноводные	10
«Дождю спасибо – усыпил...»	12
У моря	13
«Петушок на палочке...»	14
«Играет пианист в квартире...»	15
Школьный вальс	17
Перелётная птица	19
«Меня будильник не вернул с того на этот свет...»	20
«Температура 38...»	21
«Исповедуюсь перед...»	22
«Прикинуться, присниться...»	23
Из жизни фауны и флоры	24
«Тучи по небу летали...»	25
«Куда вы, муравьи...»	26
Королёв	27
«А на просвет кленовый лист...»	28
«Парк культуры и отдыха. Лето...»	29
«Мне ветер рот законопатил...»	30

«Что нам Рим если Рига под боком...»	31
«Нас двое – третий лишний...»	32
«Точно по Соколову...»	34
«Скользить на одной, про другую...»	35
«Я в этой упряжке давно...»	36
Сестра	37
«Лист сорвался, но кружит, как будто...»	38
«Лыжня теряется вдаль – ...»	39
«Непредсказуемы вначале...»	40
«Не будем всё-таки о грустном...»	41
«Я сяду на троллейбус «Бэшку...»	42
«Я подарю тебе клетку...»	43
«Спи, пограничник вполглаза...»	44
«Мимо Ваганьково на 23-ем...»	45
«Я выйду из леса. Я стану как вы...»	46
«Отдохнуть от всего. Но сначала...»	47
«Что там колышется на ветру?»	48
«Я выйду на Красную площадь...»	49
«С высоты, и не птичьего даже...»	50
«После ливня – голубое...»	51
«Где я? Об этом едва ли кто знает, – ...»	52
«Голубизна переходит...»	53
«Когда сомневался Мефодий...»	54
«Что касается грешного...»	55
«Три аккорда, и не больше...»	56
Дембельский альбом-1	58

Пинску	61
«Не валерьянка, но валокордин...»	62
Сыну	63
«Не скакать перед ними на задних...»	64
«Лежать, по сторонам глаза...»	65
Сельскохозяйственный романс	66
«Танцуют тени на стене...»	67
«Безгрешен, говоришь. Быть может...»	68
«Полуобнажённую девицу...»	69
«У колорадского жука...»	70
«Как бы очнувшись ото сна...»	71
«И лампочка посередине...»	72
«Как любил я стихи Соколова!»	73
«Гэдээровской кукле не спится-...»	74
«Не дышать – затаиться – ...»	75
«Восемь строк – восьмистишие...»	76
«Однодневная щетина...»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

ПМЖ

Стихотворения

Феликс Чечик

© Феликс Чечик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

«Поэзия – не что иное...»

Поэзия – не что иное,
как мрачной бездны на краю
божественная паранойя
и разговорчики в строю.

Детство

Язык воспоминаний сух —
трепаться влом:
там краской меченый петух
глядит орлом,
там клёв подлёдный на реке
на мотыля,
и все — дурак на дураке —
учителя.
Из самопалов, как в кине
поднять стрельбу.
И ночь с отцом наедине,
с отцом в гробу.
«Всё отболело, утряслось,
забуди, как сон!»
Я в этой жизни только гость
из тех времён.

Она беременна...

Плевать, что люди смотрят косо
на округлившийся живот,
и рвота – признак токсикоза —
её страдания выдаёт.
Но по ночам, когда не слышно
пустопорожних голосов,
вдвоём с ребёнком – третий лишний —
они беседуют без слов:
о бесполезности искусства,
о неуютности Земли,
о Рерихе и Заратустре,
о Баратынском и Дали.
Он всё на свете понимает,
не осуждает, не клянёт
и в знак согласия кивает
и быстрой ножкой ножку бьёт.

Морские и пресноводные

1.

И, как ветер листву – вдруг сорвал, завертел
и унёс неизвестно куда,

так носила меня моя жизнь, а затем
поглотила речная вода.

И лежу я на дне и дышу через раз,
косяком проплывают века;
и спускается ночью ко мне водолаз
потрепаться и выпить пивка.

Обсудить то да сё, никуда не спеша,
и о том поболтать и о сём,
и забыть про печаль, даже если душа
проплывёт над тобою, как сом.

И не думать, что где-то рыдает жена
и, что дети устроили пир;
и дышать через раз, посылая всех на
три весёлые буквы, как мир.

2.

Глубоководный водолаз
давно не выходил на связь,

дней пять, включая воскресенье.

Пока на самом дне лежал,
он вырастил подобье жабр
и хвостовое оперенье,
решившись, раз и навсегда
остаться здесь в потустороннем:
покой, зелёная вода
и никого из посторонних.

А безутешная вдова
сперва поплачет месяц-два,
но вскоре выйдет за другого.
Плевать на всё и растереть.
Пуская пузыри, балдеть,
прощая всех со дна морского.
Из амфоры тянуть вино,
беседовать с самим собою
и думать, думать, думать о
вечности под шум прибоя.

«Дождю спасибо – усыпил...»

Дождю спасибо – усыпил.
Спасибо птице – разбудила.
Я на отечество забил,
которое меня забыло.
По вечерам смотрю в окно
на сумрачную Палестину;
и сказки русские давно
я не рассказываю сыну.
Он шпарит на иврите, как
мне и не снилось – Аллилуйя!
По телевизору «Спартак»
продул «Баварии» вчистую.
А мне и дела нет. Дебил!
Ещё недавно лез без мыла!
Дождю спасибо – усыпил.
Спасибо птице – разбудила.

У моря

Распят на солнцепёке
и зноем пригвождён,
невидимые токи
летят со всех сторон.

Как если бы к обеду, —
скорей – на торжество,
гурману-людоеду
готовили его.

«Петушок на палочке...»

Петушок на палочке

стоит 8 коп.

Траурные саночки

тащат в гору гроб.

Бабка повивальная

плачь за упокой.

Счастье самопальное

тает за щекой.

«Играет пианист в квартире...»

С. М.

Играет пианист в квартире,
где останавливался Блок.
Ещё по сто, чтоб воспарили
и вознеслись под потолок.

А там под потолком, где громко
не распинаятся фоно
загадочная Незнакомка
прогуливалась в домино.

Одна! Без спутников, как раньше,
чуть постаревшая, но ей
к лицу сегодняшняя Russia
и тусклый отблеск фонарей.

Она глядит из-под вуали
глазами полными любви.
И отражается в бокале
безалкогольного аи.

И в полночь возле ЦДЛа,
как горностаевым манто
укутавшись метелью белой,

умчит с клиентом на авто.

А лабух не заметил даже
её присутствия, пока
парил в очередном пассаже
на мнооооооого выше потолка.

Школьный вальс

1.

Камень, ножницы, бумага,
камень, ножницы, бумага,
камень, ножницы, бумага —
на кону стоит герла.
Недотрога и кривляка
старшекласснику дала.
Всё смешалось: боль и злоба,
пидманула-пидвела,
пьют, отвергнутые оба,
бормотуху из горла.

2.

Неравная борьба.
Ах, Дунька Кулакова!
Выдавливает раба
по капле, чтобы снова
над фоткою рыдать
коленопреклоненно,
ни думать, ни гадать,
как вырваться из плена.

3.

На пронзительной ноте прощальной,
персонажем из чеховских пьес
умереть – оттого, что прыщами
навсегда изуродован фэйс.
Жизнь окончена – скоро пятнадцать,
застрелиться и делу конец.
Будет знать, как с другим целоваться
одноклассница Н. Власовец.

4.

Да, мало ли, что остановит.
Да, мало ли, что тормознёт.
Портфель в сугроб.
Смотреть, как ловит
рыбак и видеть рыб сквозь лёд.

Успеть к уроку, еле-еле,
на парту грохнуться без сил,
вытряхивая из портфеля,
снег, посиневший от чернил.

И сочинить отмазку – типа,
что встретил инопланетян.
И плавать у доски, как рыба,
в правописании – ан– (-ян-).

Перелётная птица

А. А.

Лето красное пропела,
за окном декабрь, блядь,
в результате залетела
к орнитологу в тетрадь,
где застряла до весны —
больно клеточки тесны.

«Меня будильник не вернул с того на этот свет...»

Меня будильник не вернул с того на этот свет,
и звон, переходящий в гул, почти сошёл на нет

– Поторопись, – сказал отец, – иначе навсегда
ты здесь останешься, глупец, до Страшного суда.

Ты задержался, и теперь – одна, всего одна,
и та полузакрыта дверь, ведущая из сна.

Я помогу тебе, но ты, имей в виду, сынок:
вернувшийся из темноты смертельно одинок.

И в этом нет ничьей вины. Ты сам того хотел...
И ангел голосом жены «Шма Израэль» пропел.

«Температура 38...»

дочери

Температура 38
и 5 сегодня у меня,
и участковый – «Нет, не косит» —
освобождает на три дня.
Ангина. Пушкинская проза
звенит бубенчиком во мгле.
И граффити Деда Мороза
на зачарованном стекле.

«Исповедуясь перед...»

А. А.

Исповедуясь перед
тонкой книжкой стихов,
мальчик искренне верит
в отпущенье грехов.

И тяжёлая лира
сквозь забвенье и тьму
от больного кумира
переходит к нему.

«Прикинуться, присниться...»

Н. Б.

Прикинуться, присниться,
гербарием, трухой,
балдея на странице
548-й.

Сухой былинкой мака,
как капелькой огня;
и ни одна собака
не вспомнит про меня.

Из жизни фауны и флоры

Собака, нюхая цветы,
как все взыскует красоты.

Не лезет в драку и не воеет,
пьяна от маков и левкоев.

Бегонии и львиный зев
рассматривает, обалдев.

Пыльцой, как охрой, перепачкан,
прохладно-мокрый нос собачий.

И лает бабочке вослед
благоухающий букет.

«Тучи по небу летали...»

А. Б.

Тучи по небу летали,
взад-вперёд, туда-сюда,
драматических баталий
быстроходные суда.

И палили без разбора
по чужим и по своим,
чтобы выдохнуться скоро
и рассеяться как дым.

Небо светло-голубое.
Бесконечен окоём.
Только птицы после боя
мародёрствуют на нём.

«Куда вы, муравьи...»

Куда вы, муравьи,
умерьте вашу прыть,
вам никогда, увы,
плевка не переплыть.

Но, как всегда, смельчак
найдётся хоть один:
горит огонь в очах,
бурлит адреналин.

Уже маяк погас
и смолк собачий лай.
Контр-адмиральный брасс
сменяет баттерфляй.

Плевать, что по домам
давно все разошлись.
Пьёт за прекрасных дам
Эгейское Улисс.

Королёв

Лети! Мой палец Байконур.
Минутная готовность. Скоро
объявят небу перекур
и брызнут слёзы у дублёра.

Пусть ты обыкновенный жук
каких полным-полно в природе.
Мотора пламенного звук
на рык звериный переходит.

– Поехали! Потом твою
растиражируют улыбку.
А я у бездны на краю
стою без права на ошибку.

«А на просвет кленовый лист...»

А на просвет кленовый лист,
как детская ладонь,
дай пять – я тоже фаталист
и светит мне огонь.

Ну, а покуда дождь. Пока —
мест дворник, матерясь,
извёл почти полкоробка,
не уничтожив нас,
закружим в танце вопреки,
а не благодаря,
под аккомпанемент реки
при свете фонаря.

«Парк культуры и отдыха. Лето...»

Парк культуры и отдыха. Лето.
Воскресенье. Салют над рекой.
Я почти, что на небе, а где-то
там, внизу муравейник людской.

Как гирлянды развешены звёзды,
хочешь – выключи, если ни лень.
И на «Шипре» настоеный воздух
только портят цветы и сирень.

И от запахов этих пьянея,
я уже не боюсь ничего.
Жизнь прекрасна у папы на шее
лет за двадцать до смерти его.

«Мне ветер рот законопатил...»

Мне ветер рот законопатил
и выколол глаза песок.
Но я от ужаса не спятил, —
я просто говорить не мог.

Лечу, не думая о стропах
и не завидуя живым.
Я сам хотел — я не прохлопал
воспользоваться запасным.

Лечу, раскинув крылья-руки,
как небо бледно-голубой.
И не нарадуюсь разлуке
с самим собой, с самим собой.

«Что нам Рим если Рига под боком...»

А. Л.

Что нам Рим если Рига под боком.
Поспешим – начинается рано
старый спор человечества с Богом
при посредничестве Иоганна.

Жизнь проходит от оха до аха.
Бах умолк. Только спор не закончен.
Не смиряет гордыню рубаха,
плаха – лечит, но тоже не очень.

Мой товарищ, до смертного мига
будем жить беспечально и бражно.
Рим сегодня стал ближе, чем Рига
и дешевле, но это неважно.

Важно то, что январскую выюгу
и разлуку, и радость, и горе,
мы сыграем, как если бы фугу
Е. Лисицина в Домском соборе.

«Нас двое – третий лишний...»

Нас двое – третий лишний.
Недавно ли? Давно?
Пока я спал ты вышел
в январское окно.

Ты вышел и обратно
не возвратился в дом,
но погостил у брата
и сиделся с отцом.

Покуда вам крутили
забытое кино,
шабашники забили
январское окно.

Потом они забили
на всё и стали пить,
и пили, пили, пили,
не в силах прекратить.

А протрезвев, молчали
и пилились в окно;
и по столу стучали
бесшумным домино.

Цвели и пахли розы.
благоухал «Агдам»,
в крещенские морозы
на речке Иордан.

«Точно по Соколову...»

Точно по Соколову
Соколову В. Н.
птица певчая слову
прилетела взамен.

И уселась на ветку
и поёт как в раю.
А художника в клетку
посадила свою.

«Скользить на одной, про другую...»

Скользить на одной, про другую
забыть насовсем, навсегда,
вычерчивая и рисуя
фигуры на ватмане льда.

Чтоб взмыв в небеса в пируэте,
со скоростью сверхзвуковой
откупорить пробку бессмертья
садовой своей головой.

И там вдалеке распрекрасном
«канадки» повесить на гвоздь,
где знак бесконечности красным
тебе начертать удалось.

«Я в этой упряжке давно...»

Я в этой упряжке давно,
где все норовят в коренные,
и только не многим дано
увидеть пределы иные.

Не мчаться барьеров поверх,
а скромно держаться в сторонке,
обставив на финише всех,
своим неучастием в гонке.

Сестра

Потеряться и плакать навзрыд,
невпопад отвечать на вопросы,
ощущая бессилье и стыд,
за свои несуразные слёзы.

Чтобы где-то минут через пять
отыскаться, ну прямо, как в сказке,
и теперь ещё пуще рыдать,
но уже от счастливой развязки.

Папа молод. И мать молода.
Ровно год до рождения брата.
И мы едем, незнамо, когда, —
знамо, что навсегда, без возврата.

«Лист сорвался, но кружит, как будто...»

Лист сорвался, но кружит, как будто
не мечтал отдохнуть.
У бедняги в запасе минута
или больше чуть-чуть.

В крайнем случае, три, если очень
подфартит, повезёт,
продлевая конвульсии, осень
свежий ветер наслёт.

А по мне – совершенно напрасно
он боится конца.
И ужасное будет прекрасно.
Как ты думаешь, а?

«Лыжня теряется вдали – ...»

Лыжня теряется вдали —
за горизонтом, там,
где нет желанья у земли
перечить небесам,

где сам Всевышний не поймёт,
кто мёртвый, кто живой.
И лыжник походя кивнёт
пилоту головой.

«Непредсказуемы вначале...»

Непредсказуемы вначале,
амбициозны как помреж,
летали ласточки, летали
и залатали в небе брешь.

Дождь прекратился. Только нитки
ещё торчали кое-где,
а солнца золотые слитки
уже растворены в воде.

И стало ясно, стало ясно,
как водится, чуть погода,
что жизнь по-своему прекрасна
на побегушках у дождя.

«Не будем всё-таки о грустном...»

Не будем всё-таки о грустном,
а будем, глядя на огонь,
пить чай, не торопясь, вприкуску, —
глаза в глаза, ладонь в ладонь.

Из алюминиевых кружек
вылавливать чайники и
печалится, не обнаружив,
в сердцах ни капельки любви.

А только странное желанье:
друг в друге раствориться, как
кусочек сахара в стакане
и самолётик в облаках.

«Я сяду на троллейбус «Бэшку...»

Я сяду на троллейбус «Бэшку»,
и по Садовому кольцу
с чужим народом вперемешку
поеду к своему концу.

На полусогнутых, на слабых,
в последний путь, не в первый раз
подпрыгивая на ухабах
и в душной тесноте трясясь.

Свою отпраздновав победу
не чокаясь, один в толпе,
трамвайной вишенкой уеду
в троллейбусе маршрутом «Б».

«Я подарю тебе клетку...»

Ю. Н.

Я подарю тебе клетку,
в клетке поёт тишина,
на перекладину-ветку
с краю уселась она.

Чтобы ты слушала трели
и не печалилась зря
от середины апреля
и до конца декабря.

«Спи, пограничник вполглаза...»

Спи, пограничник вполглаза,
ты во вселенной один,
скоро из сектора Газа
заголосит муэдзин.

Доброе утро, Израиль!
Доброе утро, страна!
Поездом прямо из рая
по расписанию на

небо надежду посеяв,
крестные муки суля.
И машинист Моисеев
в топку подбросил угля.

«Мимо Ваганьково на 23-ем...»

Мимо Ваганьково на 23-ем
жёлтом трамвае в Израиль уедем.

И краснопресненские тополя
обетованная сменит земля.

А на подошвах другая, конечно,
сколько не чисть – остаётся навечно,

сколько не мой – остаётся навек
грязно-солёный кладбищенский снег.

Юрий Давыдович, лет через восемь
с сыном приедем, прощенье попросим,

сами не зная за что и зачем,
чтобы уехать уже насовсем.

«Я выйду из леса. Я стану как вы...»

Я выйду из леса. Я стану как вы,
точнее прикинусь таким,
лишь на ночь снимая парик с головы,
с лица опротивевший грим.

На двух, чтобы не отличаться от вас
я буду ходить, семена,
и только огонь непогашенных глаз
нет-нет, да и выдаст меня.

Заплачет ребёнок в ночной тишине
и мать не поймёт от чего,
бедняжка, она обратится ко мне,
чтоб я успокоил его.

И я колыбельную песню спою,
и он, как убитый уснёт,
обняв по-звериному морду мою
и в тёплый уткнувшись, живот.

«Отдохнуть от всего. Но сначала...»

Отдохнуть от всего. Но сначала
от себя самого отдохнуть,
чтоб полночная птица клевала
мое сердце, усевшись на грудь.

Птица, птица, мне больно и сладко,
не смотря на скулеж и нытье,
склюй, пожалуйста, все без остатка
бестолковое сердце мое.

Чтобы дул сквозь отверстие это,
сквозь отверстие это в груди
страшный ветер со скоростью света,
жизнь текла, и хлестали дожди.

«Что там колышется на ветру?»

Что там колышется на ветру?
Облако ли? Тростник?
К мысли, что я непременно умру,
я, как ни странно, привык.

Так себе мысль – пяточок на метро, —
для нумизмата – пустяк.
Но озверевшее сдуру зеро
шепчет: «Мы только в гостях».

И не татарин, но избранный жид,
из миллионов – один,
видишь, как сперматозоид бежит,
думает, что победил.

Но наследит – это наверняка, —
с вечностью накоротке.
Клином гусиным летят облака.
Ветер поёт в тростнике.

«Я выйду на Красную площадь...»

Я выйду на Красную площадь
и стану её посреди,
где радостью горло полощет
бескрылая птица в груди.

Я рёбра руками раздвину,
и страха себе не прощу,
но птицу бескрылую выну
и в небо её отпущу.

Лети, уповая на встречный
и яростный ветер в лицо,
а я человек бессердечный,
конечно, отвечу за всё.

За всё, в чём я был или не был,
но всё-таки был виноват,
мне паяться вечно на небо,
где птицы на север летят.

«С высоты, и не птичьего даже...»

С высоты, и не птичьего даже,
а полёта простого шмеля,
растворён в подмосковном пейзаже,
как репейник какой-нибудь я.

Зверобой, подорожник, крапива,
хвощ, полынь, василёк, лебеда.
Проплывают по небу лениво
туч недоенные стада.

И, когда унесёт электричка
в непролазные дебри Москвы,
сохранится надолго привычка
быть на голову ниже травы.

Пусть куражится спьяну Тверская;
но от воздуха, как во хмелю
я иду по Ордынке, кивая
пролетающему шмелю.

За душой тишина вместо денег,
денег нет и не будет, дай бог.
Я в 2005-м – репейник,
а на будущий – чертополох.

«После ливня – голубое...»

После ливня – голубое,
не бывает голубей,
и на фоне неба – двое, —
двоеточье голубей.

Туч растрёпанные клочья,
как потёки от чернил.
Третьего для многоточья
не хватает – ливень смыл.

«Где я? Об этом едва ли кто знает, — ...»

П. Б.

Где я? Об этом едва ли кто знает, —
в первую очередь сам.
Дворником ветер дворы подметает,
прячется по чердакам.

Не серединка и не половинка,
в смысле: ни то и ни сё, —
вместо закладки сухая былинка
в томе «Худ. лита» Басё.

«Голубизна переходит...»

Голубизна переходит
в светло-зелёное – цвет
моря на мысли наводит,
смерти, как видимо, нет.

От удивленья присвистни,
смерти не будет? Да-да!
Впрочем, как не было жизни,
как таковой никогда.

«Когда сомневался Мефодий...»

Когда сомневался Мефодий
и не сомневался Кирилл,
язык, растворённый в природе
на птичьём со мной говорил.

О чём-то пиликал кузнечик
на тоненькой скрипке своей,
и молча, в преддверии речи,
былинку тащил муравей.

«Что касается грешного...»

Что касается грешного
моего языка —
вырву с корнем, сердешного,
и не дрогнет рука.

Чтобы больше не связывал, —
(нету связи прочней)
с пожелтевшими вязами
по-над речкой моей.

«Три аккорда, и не больше...»

В. Г.

Три аккорда, и не больше
в лучшем случае – четыре,
но без них сегодня – боже! —
стало зябко в этом мире.

Стало зыбко и безмолвно,
стало пасмурно и сыро,
растерялись сразу – словно
потеряли командира.

Вдруг возникло ощущение,
что пришёл конец надежде,
и прощанье и прощенье
не рифмуются, как прежде.

Три аккорда. Мало? Много?
Разве в этом дело, если
безотчётная тревога
крест поставила на песне.

А на ясеновой ветке
интровертом безутешным
воробей, как кенарь в клетке,

разорялся утром вешним.

Чик-чирик Агнешка в Польше,
чик-чирик Арбат и Мцхета.
Три аккорда, и не больше.
Много это? Мало это?

В небеса по бездорожью,
беззащитные, как в тире.
Три аккорда, и не больше,
в лучшем случае – четыре.

Дембельский альбом-1

1.

Звёздное небо, как пристань...

Пристально в небо взглядишь:

двадцатилетним танкистам
по сердцу, по фигу жизнь.

Из Забайкалья степного
на небеса: – Шагом марш!

На четвертинку ржаного
ваксы погуще намажь.

Встретились. Поговорили.

Лайф обсудили и лав.

Траками небо взрыхлили,
ангелов перепугав.

Встретимся снова? Вестимо.

Выпьем по чарке? Авось.

Сириус. Маршал Устинов.

Цвет бронетанковых войск.

2.

В долг возьми щепотку соли

у земли...

Выйдет толк – не бойся боли —
посоли

рану, память, время – зубы
сжав – терпи.

Сопки – белые тулупы
по степи.

На трансмиссии от вьюги, —
чем не Крым! —
обмороженные руки,
едкий дым.

Поражение? Победа?
На века.

И жарки – флажки на «деда»
и зека.

3.

О чём?.. О чём угодно:

о жизни, о судьбе...

Дотошно и подробно
я расскажу тебе:

о доблестях степного
и вшивого ЗаБВО,
где замерзало слово,
хоть ты руби его,

о подвигах салаги,
о славе дембелей,

о жареной салаке,
что твой вонючий клей.

Сын слушает, не слыша
и смотрит сквозь меня.
А на экране мышья
от жизни беготня.

4.

проверяла на вшивость меня
забайкальская вошь бельевая
ни воды не боясь ни огня
обло чудище только не лайя
но стозевно как пьяный старлей
не от водки от крови хмелея
чудо-юдо своих пожалей
нет ни эллина ни иудея

Пинску

Чужой – но только не деревьям,
всё понимающим без слов,
не пуху тополей, не перьям
порозовевших облаков,
не бронекатеру у Пины,
не танцплощадке на замке,
не выпитой до половины
бутылке вермута в руке...
Иду неузнанный, вдыхая
неповторимый аромат
давно потерянного рая,
напоминающего ад.

«Не валерьянка, но валокордин...»

Не валерьянка, но валокордин.
На треть стакана тридцать капель. Знаем.
И то, что утряслось – разбередим
и то, что устаканилось – взболтаем.

Поможет ли? Бог весть. Не навредит.
Боль лижет руки и хвостом виляет.
И бабушка моя с небес глядит.
И бабушка твоя с небес кивает.

Сыну

Я тебе расскажу без утайки
не весёлые байки свои
про страну, где закручивать гайки
равносильно признанию в любви.

Ты послушай... Послушай... Не хочет.
Ты послушай... Послушай... Уснул.
И во сне на иврите бормочет.
И поёт за окном есаул.

«Не скакать перед ними на задних...»

Не скакать перед ними на задних
и не лезть целоваться взасос,
но возделывать свой палисадник,
колдовать над вареньем из роз,
наблюдать за небесным светилом
в телескоп, потихоньку стареть.
И верёвку с хозяйственным мылом
так, на всякий пожарный, иметь.

«Лежать, по сторонам глаза...»

Лежать, по сторонам глаза,
в коляске светло-голубой,
затылком чувствуя, что фея
простёрла крылья над тобой.

И делать ручкою прохожим
и улыбаться им в ответ.
И днём весенним, днём погожим
не лишним будет этот свет.

А то, что набежали тучи
и дождь заморосил опять,
так это даже лучше – лучше
под шум дождя младенцу спать.

Чуть набок съехала панама.
И слышится сквозь сон и гам,
как выговаривает мама
не в меру шумным воробьям.

Сельскохозяйственный романс

Когда проклюнется трава
совсем чуть-чуть, едва-едва,
как волосы у новобранца —
кузнечики и муравьи,
оставьте игрища свои,
поосторожней будьте, братцы.
Не вытопчите мураву
дикорастущую во рву
или на пастбищах колхозных.
Вам развлечение, а она
пришла из тьмы путём зерна,
дорогой горестной и слёзной.
Из той неведомой страны,
где перед смертью все равны
и нету правых и неправых.
Но в сентябре из-за реки
толпой нагрянут мужики;
и зачарованные травы
пойдут без жалости под нож.
И я умру, и ты умрёшь.
Какие могут быть вопросы?
Кузнечики и мураши,
повеселимся от души
на светлой тризне сенокоса.

«Танцуют тени на стене...»

Танцуют тени на стене
иносказательней Эзопа,
по гроб обязаны оне
волшебной лампе фильмоскопа.
Пока есть пауза. Пока
очередную ставят плёнку,
тень спрыгивает с потолка
и устремляется к ребёнку.
Котёнком ластится к нему
и засыпает на коленях.
Непостижимое уму
феноменальное явление.

Психушка. Человек не спит.
Опять замучили кошмары.
Пьют, не закусывая, спирт
и матерятся санитары.

«Безгрешен, говоришь. Быть может...»

Безгрешен, говоришь. Быть может.
Но только вряд ли. Так и знай.
Почти что год на свете прожит.
Не гложет совесть? А-я-яй!

Покушай детка манной каши.
Купайся в неге и любви.
А убиенные букашки?
А плачущие муравьи?

«Полуобнажённую девицу...»

Полуобнажённую девицу
в шлемофоне – подпись ДМБ —
82 – сержант Куницын
на предплечье наколол себе.
Имя дал красавице – Маруся,
по ночам рассказывал про дом;
чтобы год спустя на «Беларуси»
без конца пахать не чернозём,
пить, вздыхая о крестьянской доле,
крыть колхоз «Заветы Ильича».
По уши в грязи и солидоле
девушка рыдает у плеча.

«У колорадского жука...»

У колорадского жука
в коробке из-под спичек,
жизнь беспросветна и горька,
как у зека на киче.
Волшебный аромат ботвы,
сменив на запах серы,
он стал игрушкой, увы,
в руках у пионера.
И одиноко и темно,
и ничего не надо.
Но очень жаль, что нет давно
вестей из Колорадо.

«Как бы очнувшись ото сна...»

Как бы очнувшись ото сна,
раскачивается сосна,
не корабельная – кривая,
бесперспективная, и ей
не светит акварель морей —
зеленовато-голубая.
Обыкновенный ширпотреб,
полным-полно добра такого.
Серебряные струны ЛЭП
оплакивают лес сосновый.
Пронзительное Do, Re, Mi,
Fa, Sol, La, Si звучит в миноре.
Но каравелла, чёрт возьми,
летит по небу, как по морю.
Она нисколько не больна —
изысканная кривизна,
напротив, по сердцу борею,
вот-вот порвётся парус, и
отчаянные муравьи
танцуют «Яблочко» на рее.

«И лампочка посередине...»

И лампочка посередине
облупленного потолка
подмигивает и поныне
притягивает мотылька,
держа его за лоха – или
он сам обманываться рад?
И перламутровые крылья
весёлым пламенем горят.

«Как любил я стихи Соколова!»

Как любил я стихи Соколова!
Так уже не любил никого.
На Калининском – с палкой, хромого,
я однажды увидел его.

Подражая во всём, как ни странно,
я хромал целых пол-января:
– Марианна! – вздыхал, – Марианна! —
Ира, Таня, Галина – всё зря,

всё не то. Как издёвка, как вызов —
разминулись, не встретились мы.
В час, когда щебетали карнизы
посреди глубочайшей зимы.

«Гэдээровской кукле не спится-...»

Сестре

Гэдээровской кукле не спится —
свет в глаза – неисправны ресницы,
сколько лет, не припомнит сама,
одинок в чулане пылится
и поплакаться некому: «ма».
Дочка выросла. Внукам до фени
полинявшее это старьё —
всюду «Barbie», как бледные тени,
на упитанном фоне её.
Худосочные американки —
«Made in China» – не знают забот.
А в чулане стеклянные банки:
огурцы, помидоры, компот.
И бедняжка вздыхает печально,
оказавшаяся не у дел.
Хоть бы кто прикоснулся случайно.
хоть бы кто ненароком задел —
чтобы вдребезги. Это, по сути,
даже лучше, чем жизнь взаперти.
И предсмертное хриплое: «Mutti!
Wo bist Du? Пожалеи и прости».

«Не дышать – затаиться – ...»

Не дышать – затаиться —
не обидой в душе, —
как подранок, как птица
у реки в камыше.

Из-под самого носа,
не жалея ничуть,
доведя до невроза,
от судьбы улизнуть.

Я здесь был или не был?
Но была ни была...
И оставить на небе
лёгкий росчерк крыла.

«Восемь строк – восьмистишье...»

Восемь строк – восьмистишье.

Оболочка тесна:

Перед бурей затишье

наподобие сна.

Наподобие жизни

только с виду большой;

ровно восемь, но втисни

всё, что есть за душой.

«Однодневная щетина...»

Однодневная щетина
выросла у мертвеца,
и в ответе сын за сына
за отсутствием отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.